

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

" Экономика-язык-культура". К итогам дискуссии

Проходившее в течение всего 2001 года обсуждение материалов "круглого стола" "Экономика-язык-культура" (2000, № 6) продемонстрировало неподдельный интерес к поискам имеющихся в отечественной культуре средств, способных стать катализаторами российской национальной модели экономического развития либерального типа. Причем участники заочной дискуссии не ограничивались обсуждением высказанных В. Найшулем и его коллегами соображений и предложений, а углубляли и развивали тему, открывая в ней все новые и новые аспекты. Поэтому представляется, что итоги обсуждения окажутся более объемными и разносторонними, нежели исходные положения участников "круглого стола".

Прежде всего, хотелось бы выделить тему *соотношения российской культуры и идей рыночного либерализма, степени их ограниченности для процессов модернизации в России*. Г. Дилигенский особо подчеркнул важность такого подхода к проблеме (№ 5, с. 48), не согласившись, однако, с утверждением Найшуля, что только сейчас наступает осознание того, что "в нашем обществе существует сложная культурная проблема рецепции рынка". Действительно, как отмечает Дилигенский, данная проблема довольно широко обсуждается уже более десятилетия, и наиболее активны в этом обсуждении противники рыночных и демократических преобразований, педалирующие тему их невозможности, апеллируя к отечественным культурным традициям. Поэтому реальная проблема оказалась предельно идеологизированной и мифологизированной.

Вместе с тем вряд ли справедливой была бы и абсолютизация заслуг группы Найшуля как первопроходцев темы поиска социокультурных оснований российского рыночного реформирования. В какой-то мере этот аспект отмечался, в частности, Е. Авраамовой, упоминавшей о попытках создания жизнеспособной национально-государственной идеологии, призванной "мобилизовать население и компенсировать неизбежные социальные издержки" (№ 2, с. 35).

В целом же, если внимательно проанализировать литературу прошедшего десятилетия, можно обнаружить немало следов таких социокультурных поисков, пусть и не столь громких, как идеологизированное отрицание возможности рыночных преобразований в стране. Об этом, в частности, говорят и многие статьи, опубликованные в нашем журнале. Правда, акцентировались в них, как правило, те трудности, которые российская действительность ставит перед реформаторами, а не изыскание тех социокультурных моментов, которые содействовали бы укоренению подлинно рыночных и демократических принципов в массовых слоях российского общества.

Интересно, что одними из первых данную проблему осознали ученые - исследователи экономики западных стран. Еще в период первых робких перестроечных шагов, приветствуя в целом вектор развития, связанный с поворотом от плановой к рыночной экономике, они заговорили о социокультурной и институциональной неподготовленности российского общества к рынку, о необходимости предварения таких, например, действий, как освобождение цен, кропотливой работы по созданию соответствующих современному рыночному хозяйству институтов и правовой базы, выработке у населения основ рыночной культуры, прежде всего этических норм (см., например [Гельвановский, Крюкова, 1992]). Излагаемая ими программа, по сути, была программой пресловутого "третьего пути", ориентированного в первую очередь на китайский опыт. Однако, как известно, события в России развивались в тот период с огромной скоростью, и академические рекомендации постепенного преодоления квазирыночных стереотипов и воспитания соответствующей культуры у широких масс безнадежно отставали от жизненных реалий. Кроме того, оставалось непонятным, как можно выработать массовую рыночную культуру в нерыночной по сути среде.

Нельзя не вспомнить здесь и о концепции А. Ахиезера, согласно которой российское общество в начале 1990-х годов вступило в "третий глобальный цикл" своего развития. Для этого цикла характерно, что общество уже встало "на путь утверждения либеральных ценностей, путь демократии, связанный с рыночными отношениями" [Ахиезер, 1997, с. 676]. Однако, рассматривая случившееся как не выходящее за рамки концепции циклического развития России с характерными для него колебаниями между традиционализмом и либерализмом, Ахиезер особо подчеркивает теоретическую и практическую важность вопроса о сочетании в российской культуре двух этих полюсов: "Общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной системе переходов от одной крайности к другой, все же встало под знамена либерализма. Но это значит, что оно согласно перейти на либеральный язык и следовать либерализму в определенных рамках, не разрушая свои глубинные ценности" [Ахиезер, с. 677].

В данном случае, как представляется, мы имеем дело с социокультурным анализом ситуации, акцентирующим сложности процесса реформирования в России, связанные с двойственной природой ее культуры, с необходимостью постоянно учитывать эту двойственность и, стремясь к "цивилизованному" либеральному идеалу, не забывать о силе противоположного идеала - традиционалистского. Такого объемного взгляда, думается, не хватает рассматриваемой концепции группы Найшуля. Обратившись к поиску тех микроархетипов, которые должны стимулировать рыночные преобразования, Найшуль и его единомышленники, по сути, упускают не менее, а может быть и более важную для реформаторов проблему фиксации и, если возможно, нейтрализации архетипов противоположного плана, т.е. архетипов традиционалистской ориентации, реально присутствующих в нашей культуре, мешающих реформам или искажающим первоначально задуманное. Думается, здесь уместно было бы привести еще одно высказывание Ахиезера: "...Действующий в России либерализм носит абстрактный характер, т.е. он недостаточно глубоко и широко прорабатывает социокультурную реальность через принципы либерализма, не проявляет достаточной озабоченности развитием самих принципов либерализма в специфических условиях России" [Ахиезер, с. 685].

Нельзя не упомянуть и еще об одной попытке комплексного социокультурного анализа ситуации в России, относящейся к началу 1990-х годов. Речь идет о концепции консервативного либерализма, предложенной С. Матвеевой, но, к сожалению, не получившей должного отклика ни в научных кругах, ни, тем более, среди реформаторов-практиков. Уже в начале 1990-х годов она противопоставила либерализму радикальному с его стремлением любой ценой преодолеть массовый почвенный консерватизм, не гнушаясь при этом и чисто административными методами воздействия, либерализм консервативный. Последнему, по мнению Матвеевой, должно быть

присуще, прежде всего, внимание к реальности, "сочетающееся с поиском ненасильственного выхода из кризиса", а также избирательное отношение к зарубежному опыту, использование из него лишь того, "что отвечает органически сложившимся потребностям страны" [Матвеева, 1993, с. 11, 12]. Специфику либерально-консервативного подхода она видела в "стремлении воплотить либеральные идеи через обращение к массовым ценностям, опираясь на те или иные тенденции, которые существуют или только назревают, пытаясь стимулировать эти тенденции среди различных социальных групп" [Матвеева, с. 13]. По сути, под этими словами могли бы сегодня подписаться и участники "круглого стола" во главе с Найшулем.

Кстати, в этот период и сама Матвеева выделяла позицию Найшуля среди других реформаторов именно как ориентированную, прежде всего, на российскую реальность, а не на некий нормативный идеал. Однако уже тогда она вступила с ним в полемику. В тот период Найшуль, противопоставляя друг другу либералов подлинных и мнимых, отмечал, что первые "защищают интересы своих ведомств на основе норм обычного права", тогда как вторые "чтят только то, что написано на бумаге, и не обращают внимание на неписанные законы" [Найшуль, 1992, с. 78]. Матвеева уже тогда увидела в таком подходе настораживающий момент, так как обычное право, выросшее из феодальных (а возможно, и дофеодальных) рентных отношений, содержит в себе не только определенный рыночный потенциал, но и мощное стремление к монополизации. При этом разные типы монополистов находятся друг с другом в непримиримом противоречии, и в борьбе между собой попирают реальное развитие рынка.

Сегодня, имея за плечами десятилетний опыт российских реформ, можно констатировать, что опасения тех лет оказались небеспочвенны. Многие деформации последних лет стали следствием деятельности именно по праву сильного, игнорирующего писанные законы или пользующегося их отсутствием (либо противоречивостью законодательной базы) и опирающегося на соответствующие принципы обычного права. Расцвет олигархических группировок во многом связан с этим. И тут, кстати, сработали российские социокультурные архетипы. Думается, и в те времена, и в своей современной концепции Найшуль, как уже говорилось, упрощает анализ, ограничивая его поиском "положительных" микроархетипов, способных повлиять на развитие рыночной активности. Российскую же противоречивую реальность характеризует сочетание самых разнообразных тенденций. И акцент на "прорыночные" аспекты столь же односторонен и не отвечает задачам реалистического взгляда на движущие силы и одновременно на трудности модернизации отечественных экономики и общества в целом, как и абсолютизация социокультурных особенностей страны, блокирующих процессы либерализации¹.

С этих позиций немалый вклад в анализ рассматриваемой проблемы внесла книга А. Вишневого "Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР". Он показал, что процесс модернизации страны продолжался весь XX век. И так как любая модернизация должна найти опору в социокультурных традициях народа, то и советская модернизация не была исключением. Она обрела своеобразную опору в массовых традиционалистских чертах отечественной культуры. В результате "после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования" [Вишневикий, 1998, с. 418].

Представляется, данная позиция позволяет еще более уточнить направление вектора поисков путей и средств дальнейших преобразований либерального толка в России. Она демонстрирует ограниченность и, по сути, историческую исчерпанность варианта

¹ Своеобразным подтверждением двойственности отечественной культуры стала недавняя история с утверждением российской символики. Ее инициаторам кажется, что они предложили удачный компромисс: либералам - герб и флаг, прокоммунистическим консерваторам - гимн. На деле же произошло геральдическое оформление существующего в обществе раскола.

модернизации, использующего традиционалистский социокультурный инструментарий (эти поиски не актуальны для группы Найшуля, но в целом еще достаточно популярны). Правда, как отметил в нашей дискуссии И. Дискин, сами возможности такого варианта за последние десятилетия существенно сузились: "Традиционалистские механизмы социального действия, опирающиеся на нормы безусловного подчинения авторитетам, на широкий консенсус, при малой значимости индивидуального мнения и личного выбора, ушли в прошлое. Сейчас перед нами другая Россия, похоже, перешагнувшая цивилизационный барьер в царство индивидуальной свободы и индивидуального выбора... Социологические исследования подтверждают, что индивидуальный рациональный выбор становится доминирующим основанием социальной жизни. Кстати, результаты парламентских и президентских выборов вполне это подтверждают" (№ 1, с. 36, 37).

Но все же исчерпанность политики опоры на традиционалистские стереотипы в деле модернизации страны не означает отказ от учета их воздействия на весь ход трансформационного процесса. Тем более, что, как пишут многие исследователи, как раз под таким воздействием происходит деформация либеральных импульсов. Для нас же основной проблемой представляет сложившаяся ситуация, при которой, отмечает Авраамова, внедряемая в практику "модель реформ и подкрепляющая ее либеральная идеология расходятся с реальным опытом реформирования" (№ 2, с. 35). А Дискин добавляет, что «крупнейшей проблемой современного этапа социальной трансформации является существенный "зазор" между номинально установленным законом и реальными нормами, которыми руководствуются люди в практической деятельности» (№ 1, с. 37).

К сказанному можно добавить и итоги исследований многих ученых о далеко зашедшей в России внутренней эрозии официальной экономики, характерной еще для СССР и определившей лицо экономики России. Так, Р. Капелюшников замечает, что «следует говорить о *деформализации институционального пространства* переходных обществ, поскольку формальные "правила игры" отходят здесь на второй план, уступая место неформальным отношенческим сетям. В конечном счете этот сдвиг - от формальных институтов к неформальным, от явных контрактов к неявным, от стандартных транзакций к персонализированным сделкам - определяет их институциональную природу» [Капелюшников, 2000, с. 143]. Представляется, что в реальности проблема существует в несколько ином виде, нежели ее формулирует Найшуль. Искомые макроархетипы присутствуют в нашей действительности, но они проявляются в формах, обусловленных всей совокупностью окружающей среды. Поэтому вряд ли целесообразно искать в глубинах российской истории некие их "чистые" образцы, а постараться понять, под воздействием каких факторов, начиная от грубых управленческих просчетов и кончая глубинными традиционалистскими тенденциями, формы их проявления приобретают столь уродливый характер.

Разумеется, Найшуль и его единомышленники могут возразить, что целью их анализа являются исключительно микроархетипы, необходимые для активизации индивидуальной активности населения. Но такой анализ, как уже говорилось, изначально страдает неполнотой. Более того, сама двойственность российской социокультурной модели даже при изначально заложенных ограничительных установках не дает возможности полностью абстрагироваться от одной из ее сторон. Это, в частности, демонстрирует и сам Найшуль, который, по сути, противопоставляет "хорошие" микроархетипы, требующие активизации, "плохим" макроархетипам, использовавшимся И. Сталиным для поддержания личных жертв во имя единой общей цели. При этом остается непонятным, чем либерал Найшуль отличается от "Вождя всех народов", ибо прокламируемые им цели, по сути, идентичны сталинским: обеспечить потребности построения нового общества (тут "либерального", там - "тоталитарного") "недорогим, качественным и предпринимчивым трудом". На такое родовое сходство предлагаемых построений с чертами сталинизма, марксизма и даже сектантства указали и А. Акопян (№ 4, с. 52), и Дилигенский (№ 5, с. 52).

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с одним из методологических просчетов. В расколотом российском обществе архетипы как традиционалистского, так и либерального толка можно встретить и на микро-, и на макроуровне. И отрицание положительного воздействия на развивающиеся в стране процессы макроархетипов, т.е., по сути, связующих общество как единое целое идей и принципов, вряд ли справедливо. На этот аспект темы особое внимание обратил А. Кива, показавший на примерах модернизации и Западной Германии, и послевоенной Японии, роль макроархетипов, умело используемых оккупационными властями в деле экономического возрождения практически уничтоженной войной экономики этих стран.

Более того, Кива считает: «Когда страна находится в глубочайшем кризисе, а большая часть народа - в нищете, нет иной силы, кроме государства, и иных идей, кроме тех, что заложены в национальном архетипе, которые были бы способны дать ей мощный импульс развития. Практически во всех странах, которые за 20-30 лет превратились из отсталых, доиндустриальных в индустриальные и постиндустриальные, таких как Южная Корея, Тайвань и др., именно государство выступало в качестве главного "дирижера" экономического и социального прогресса» (№ 4, с. 47). Преобладание же идей индивидуализма, определяющее лицо США, получает распространение в других странах лишь по достижении ими довольно высокого уровня экономического и социального развития. На это же указал и Акопян, отметивший, что ценности индивидуализма расцветают в обществах, достигших той степени благосостояния, когда «можно позволить себе финансировать "права человека" (что, кстати, является самым дорогим удовольствием из всех возможных)» и *сознание как ценность определяет бытие* (№ 4, с. 51). Мы же пока находимся на той стадии развития, когда *бытие определяет сознание*, и каждый наш человек в гораздо большей степени, чем бы хотелось, зависит и от качества, и характера связей на макроуровне (которые еще предстоит отстраивать и регулировать в соответствии с новыми задачами, которые ставит жизнь, прежде всего, перед государством), и даже от таких внешних, но поистине жизненных факторов, как уровень мировых цен на нефть.

В то же время И. Ионов отмечает ошибочность утверждения Найшуля, что имперская Россия и тем более СССР были бедны микроархетипами, обеспечивающими правильное экономическое и "околоэкономическое" поведение людей (№ 2, с. 33). Действительно, любая сколь угодно строго охраняемая монополия рано или поздно начинает разведаться под воздействием предприимчивости отдельных индивидов. Не случайно и как теоретик, и как практик В. Ленин более всего опасался так называемой мелкобуржуазной стихии. И в истории советской экономики лишь только в связи с курсом на повышение роли материального стимулирования работников стал расти налично-денежный спрос со стороны населения, началось интенсивное развитие теневой экономики. А внутри самой советской системы хозяйствования шел интенсивный процесс ее разложения и формирования "экономики бюрократического торга", столь удачно описанный именно Найшулем. Между тем в данном случае перед нами проявление именно микроархетиповрыночного плана, стимулирующих инициативу и предприимчивость в конкретных исторических условиях.

Впрочем, возможен также иной поворот темы, предложенный А. Пригожиным, который предпочел теоретическим рассуждениям о микроархетипах вполне практический анализ весьма болезненного очага российской государственной и хозяйственной системы - управленческой некомпетентности руководителей. Ведь "именно управленческие ошибки начальников больших и малых (а в этом отношении они одинаковы) делают невозможными некоторые необходимые изменения" (№ 4, с. 55). Помимо прочего, данное положение усугубляет и без того напряженное отношение россиян к властям разных уровней.

Здесь мы подходим к теме соотношения *личности, общества и государства*, которую невозможно обойти при анализе социокультурных особенностей российского общества. Не обошли ее и участники "круглого стола", акцентировавшие внимание на таком ее аспекте, как "универсальные формулы, восходящие к истокам

русской государственности" (О. Гурова), в частности архетип "царя - генерального секретаря - президента" или собор как органическое воплощение определенных национальных архетипов. Более широко и всесторонне эта тема получила развитие в общем ходе дискуссии, прежде всего в статье Н. Тихоновой. Опираясь на данные многочисленных социологических исследований, проведенных как Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, так и другими исследовательскими центрами, она формулирует особенности, отличающие российскую социокультурную модель от западной. Причем отличия эти для людей столь существенны, что 70-75% опрошенных, признавая необходимость реформирования страны, одновременно полагают, что западный путь для России непригоден; особо подчеркивается, что эта точка зрения весьма широко распространена и среди активных сторонников рыночного пути развития, ценностей индивидуализма, дальнейшей демократизации общества и т.п. Согласно Тихоновой, "российская социокультурная модель взаимоотношений человека и общества предполагает *приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, над интересами личности*. При этом личность сохраняет право отстаивать свои интересы, а государство обязано учитывать при выработке общего направления развития общества все многообразие интересов членов общности. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни и разрешения конфликтов хотя и важны для значительной части россиян, в такой модели взаимоотношений государства, общества и личности все же не являются решающими" (№ 3, с. 33, 34).

Очевидно, что такой тип взаимоотношений отличен от существующих в странах Запада, где целью государства выступает не некая абстрактная забота об "общем благе", а вполне конкретная миссия защиты интересов личности в ее взаимоотношениях с обществом, реализацией личностью своих прав и свобод. При этом и личность использует предоставленные ей права для решения собственных проблем, не перекладывая их на плечи государства. Правда, сама жизнь, ход истории вносит в эту картину свои коррективы. Так, Е. Майминас отмечает, что современный мир и на Западе, и на Востоке "во все большей степени становится миром корпораций (неважно, коммерческих или некоммерческих), а не личностей. Принципиальная для демократического общества система выборов органов власти становится менее прозрачной, подверженной манипулированию электоратом с помощью СМИ и других технологий". Этим, по его мнению, "предопределено падение реального влияния чисто либеральных ценностей" [Майминас, 2000, с. 208].

Но, как представляется, наиболее важная черта, предопределяющая различие в отношении человека к государству у нас и на Западе состоит в том, что для гражданина западной страны государство предстает, прежде всего, в виде *обезличенной силы закона*, четко прописанных и регламентированных норм, которым обязаны подчиняться и власти в лице любых своих представителей, и сами граждане. В России такой обезличенности до сих пор не сложилось, власть у нас всегда *персонифицирована*, начиная от царя или президента и кончая мелким муниципальным чиновником. Отсюда и эмоциональное к ней отношение, выражающееся, в частности, в том, что и к закону наши граждане подходят не как к обязательной норме, требующей беспрекословного выполнения, а как к некоему производному продукту существующей *на данный момент* власти. И признать закон, выразить готовность его соблюдать люди согласны лишь в том случае, если и власть они признают "справедливой", выражающей не собственные интересы, а интересы общности.

С этим же, кстати, связано и характерное для нас предпочтение "свободы", предполагающей добровольное самоограничение, подчинение закону, "воле" - возможности делать все, что пожелаешь. Это ставит определенные преграды демократическому развитию: разгул "воли" пугает, и люди начинают требовать у власти защиты, а сама власть, также зараженная синдромом "воли", в попытках обуздания стихии столь же часто преступает рамки необходимого. Однако вряд ли эту типичную для

нашей страны черту стоит зачислять в ранг постоянных архетипических "инвариантов". Нечто похожее было и в других странах, ныне соответствующих требованиям развитых демократий, но также прошедших исторический этап слабости законодательства при одновременной силе произвола персонифицированной власти.

Свидетельства тому можно черпать из самых разных, даже далеких от научных сочинений источников. Яркий пример преобладания в широких народных массах идей "воли" над идеалами "свободы" дает, скажем, Королевство Обеих Сицилии рубежа XVIII и XIX веков. И А. Дюма, описывая нравы неаполитанцев тех лет и обозначая их как "независимость", дает им характеристики, вполне сопоставимые с теми, что сегодня мы даем русской "воле". Он считает даже необходимым указать на ее качественное отличие от "свободы": "Свобода - это отказ каждого гражданина от какой-то доли своей независимости ради образования некоей общей основы, именуемой законом. Независимость - это пользование каждым человеком всеми его способностями, удовлетворение всех его желаний. Человек свободный - это член общества... человек независимый - это человек естественный..." [Дюма, 1995, с. 527]. Думается, сам факт, что в середине XIX столетия данные рассуждения Дюма включил в свой роман, свидетельствуют о том, что в те времена многих европейцев (и не только интеллектуалов) волновали проблемы, сегодня актуальные и для нас. В то же время этот факт может рассматриваться и как свидетельство того, что те или иные особенности национального характера, рассматриваемые как некие макро- или микроархетипы, исторически обусловлены и способны эволюционировать со сменой эпох. "По очень многим признакам Россия сегодня - это молодая Европа со всеми положительными и отрицательными качествами подростка, - пишет Дискин. - Отсюда энергия и предприимчивость, которую не удастся загасить даже нашим заматерелым чиновникам. Более того, исследования показывают, что все время, несмотря на кризисы, идет расширение границ предпринимательских ориентации населения, стремлений создать свое устойчивое дело. Здесь же корни идеализма, все еще сохраняющейся под маской цинизма искренней веры в ценности свободы и демократии, каждый раз доказываемой очень высоким участием во всех значимых выборах. Отсюда же сложная смесь доверчивости и недоверия к государству и всем его установлениям. Стремление к игре с законом и неискореняемая вера в могущество государства, способного решать все проблемы" (№ 1, с. 37).

Таким образом, *принцип историчности* необходимо поставить во главу угла любых исследований национальной социокультурной модели. В то же время Найшуль и его коллеги заслужили от принявших участие в обсуждении материалов "круглого стола" весьма обоснованные упреки не только за обращение к исторической архаике, но и за парадоксальным образом сочетающуюся с ней "внеисторическую парадигму", предполагающую рассмотрение архетипов как неких инвариантов вечных несущих конструкций, свойственных российскому обществу.

Дилигенский вполне обоснованно полагает, что подобные постулаты невозможно подкрепить реальными фактами: «Архетипы, как и культура в целом, как и вообще все социальные феномены - образования исторические, а история есть процесс, в ней в принципе нет ничего "вечного", абсолютно инвариантного» (№ 5, с. 52). Причем парадоксальность ситуации состоит в том, что "вечное, неизменное и архаичное предлагается использовать в качестве мотора экономических и социальных изменений... что похоже на призыв двигаться вперед в экономике, пятясь назад в культуре" (№ 5, с. 52).

Не менее категорична и критика подобного подхода, данная В. Евстигнеевым: «Абсолютно произвольно выделение участниками "круглого стола" исторических пластов значений, принимаемых за "подлинную", органичную российскому обществу семантику. В результате проблема адаптации концептов подменяется проблемой поиска "золотого века" в отечественной истории. Внешне это напоминает подбор базисного периода в задаче оптимального управления... Однако экономисты знают,

что в таких задачах выбор "образцовой" эпохи, во-первых, заведомо произволен, а во-вторых, упрощается благодаря очевидности и количественной измеримости параметров, по которым сравниваются периоды - кандидаты на должность "золотого века"» (№ 1, с. 40). Еще больше претензий к группе Найшуля у историков, отмечающих массу несоответствий и исторического, и лингвистического плана, о чем писал Ионов (№ 2, с. 31-34). Особенно непонятна им попытка деления российской истории на "доимперский" и "имперский" периоды. Недоумение вызывает сама апелляция к архетипам "доимперской Руси". Здесь, как отмечает Авраимова, содержатся две неопределенности. "Во-первых, вряд ли универсально архетипичны ценности доимперской Руси. Во-вторых, и современные государственные задачи - тоже неоднозначное понятие... Официальная идеология еще не предложила обществу внятной цели социального развития" (№ 2, с. 36).

Кроме того, вопросы вызывает и сам термин "доимперская Русь". Логичнее, считает Ионов, с точки зрения обсуждения проблем либеральной перспективы в России, выделять досамодержавный и самодержавный периоды, как это делает А. Янов. При таком подходе, кстати, исторически конкретное место обретают и соборы, которым за "круглым столом" было уделено столь много внимания в качестве примера некоего архетипического российского института. Соборы же, напоминает Ионов, "возникают на Руси в середине XVI века и обозначают попытку компромисса между отжившей вечевой традицией и самодержавием" (№ 2, с. 33). Интересно и замечание Дилигенского об архетипических ценностях собора. Соглашаясь с высказанной за "круглым столом" О. Гуровой позицией, что ценность собора - ценность единомыслия, Дилигенский отмечает: "...Она забывает лишь упомянуть о том, что это единомыслие народа с *властью*, что собор - форма общественного волеизъявления, возникающая в условиях абсолютной монархии и только в этих условиях и мыслимая" (№ 5, с. 53). Быть может, показательно, что, помимо исторического, в обсуждении возник и этнический аспект темы, о котором участники "круглого стола", возможно, и не думали, а рассуждали не только в рамках "внеисторической парадигмы", но "внеэтнической парадигмы". Тем не менее при анализе ситуации в такой многонациональной стране, как Россия, этнический аспект проступает сам собой. «Не совсем ясно, какую именно модель экономики стремится создать Найшуль... Круг используемых терминов, попытка отстраниться от "имперских" реалий говорят, скорее, о том, что это этническая русская (а не российская) национальная модель. Она может быть и российской имперской моделью, ибо и в последней игнорируется полиэтничность России и влияние "инородцев" в ее экономике», - замечает Ионов (№ 2, с. 34), демонстрируя также примеры укоренения в реальной жизни массы стереотипов, носящих явную национальную окраску нерусского происхождения.

Авраимова усматривает в построениях группы Найшуля связи с построениями мыслителей - сторонников "русской идеи". Соответственно, проблема *идейной консолидации* общества выступает на первый план. Однако предлагаемые методы, основанные на реанимации архаичных форм и представлений, кажутся всем участникам обсуждения малоубедительными. Ибо, что бы ни говорилось об инвариантности искомым микроархетипов, в тот или иной исторический период они обретали соответствующую конкретную форму, вписывающуюся в те или иные реалии. И если согласиться с общей установкой Найшуля о наличии в российском обществе данных архетипов, то, на мой взгляд, гораздо продуктивнее было бы начать их поиск не методами гуманитарной археологии с применением лингвистического инструментария, а попытаться выделить в реальной действительности те конкретные формы, в которых эти вечные инварианты живут сегодня. Кроме того, вновь подчеркну, что целесообразно было бы найти объяснения тому, почему действия многих современных людей, в которых явно просматривается исследуемая архетипическая составляющая, при всей их нацеленности на извлечение личной сиюминутной выгоды в массе своей препятствуют здоровым тенденциям развития рыночной экономики, возможности которой сами они успешно эксплуатируют.

Быть может, здесь уместно было бы вспомнить и об исследованиях *особенностей отечественного индивидуализма*, предпринятых Дилигенским, выделяющим в поведении современных россиян массовые индивидуалистические стратегии. Однако эти стратегии весьма существенно отличаются от западных, ибо формировались в специфических советских условиях. Прежде всего, это адаптационный индивидуализм слабого человека, сочетающийся с внешней демонстрацией верности официальным правилам. Вместе с тем в последующее десятилетие возник новый индивидуализм, сочетающийся с высоким уровнем автономии по отношению к социуму и его институтам, противопоставление им собственных правил и норм. Если такой тип индивидуализма дает толчок развитию личной ответственности, то этого не скажешь о социальной ответственности - неперенном компоненте гражданской культуры. Однако в последние годы стали выделяться социальные группы, прежде всего в среде формирующегося среднего класса, для которых характерно высокое чувство социальной ответственности, индивидуализм которых сочетается с существенной социальной активностью [Дилигенский, 2000].

Таким образом, современные исследователи уже начали улавливать пусть и только зарождающиеся процессы приспособления отдельных социальных групп нашего общества к принципам рыночного и демократического общества. Однако такие попытки органично сочетаются с укоренившимися в стране принципами взаимоотношений личности, общества и государства, о чем говорилось выше. Поэтому проявления социально ответственного поведения сочетаются с критическим отношением к властям, которые у нас могут обрести подлинную легитимность лишь в случае отстаивания ими некоего "общего интереса", о чем писала в нашей дискуссии Тихонова. Но если на макроуровне власть будет замкнута на саму себя, решать свои проблемы в ущерб общественным, то и на микроуровне наиболее ярко будет проявляться адаптационный индивидуализм, не считающийся ни с чем, кроме собственной выгоды. Правда, десятилетие такой системы взаимоотношений уже продемонстрировало ее опасность для общества. Само общество устало, и, как показывают исследования, отмечает Тихонова, «россияне очень надеются на появление верховного правителя, который будет в своей деятельности руководствоваться все-таки интересами "общего блага"» (№ 3, с. 39). С этими надеждами во многом связан феномен В. Путина, чей стабильно высокий рейтинг уже второй год удивляет исследователей.

В отличие от предыдущего десятилетия, когда во главу угла проводимой политики и большинства выступлений лидеров ставились некие абстрактные "интересы реформ", Путин, по крайней мере вербально, делает акценты и на интересах страны как общности, и на интересах ее граждан (вспомним и регулярные высказывания в связи, например, с повышением пенсий, и личные поездки в места катастроф, например в Ленек, и т.п.). Наличие таких ожиданий не означает, разумеется, отказа большинством россиян от демократии и рыночных реформ. Они означают, "что и рынок, и реформы, и конкуренция, и финансовое оздоровление, и многие другие идолы реформаторов 1990-х годов важны для большинства рядовых россиян не сами по себе, а лишь постольку поскольку они содействуют реализации общего блага - выживанию и прогрессивному развитию общности, в основе которого не просто экономическое благополучие, а превращение России в одну из наиболее технологически развитых стран мира. Это, конечно, совсем иная, чем предлагавшаяся до сих пор реформаторами идеология экономических реформ" (№ 3, с. 39, 40).

Любопытно, что с таким подходом перекликаются выделенные участниками "круглого стола" мысли из "Скрижалей Царя" типа "Земля спрашивает с Царя, а Царь держит ответ перед Землей" и т.п. Однако такая перекличка, подтверждающая идеи об общекультурном единстве, проходящем через столетия, должна, по-моему, в большей степени провоцировать поиски современных и приемлемых для новых условий и укорененных в отечественной культуре форм, а не обращения к археологическим изысканиям с использованием лингвистических средств.

Об инструментарии, которым участники "круглого стола" хотят воспользоваться для вскрытия необходимых микроархестивов. критически высказались, пожалуй, все участники обсуждения. Лингвистов в нем не устраивает в первую очередь анти-историзм подхода к материалу, абсолютизация языка как знаковой системы. Л. Крысин, например, отмечает, что для группы Найшуля «характерно полное игнорирование того обстоятельства, что язык - самостоятельная система, развивающаяся по собственным внутренним законам. Игнорирование этого фундаментального факта делает неубедительными и малопонятными для лингвиста все заявления о необходимости "построения нового языка"... Кто и каким образом будет "строить" этот язык, а построив (допустим такую возможность), как заставить пользоваться им всех, говорящих по-русски?» (№ 5, с. 55, 56)².

Правда, существует и реальная проблема - проблема понимания, ибо действительно для многих россиян непонятно содержание даже таких широко используемых лозунгов-концептов, как "рыночная экономика" или "демократия", о чем писал Дилигенский (№ 5, с. 49). Однако он же в своих работах показал, как подобные понятия осваиваются на своем собственном, нередко выразительном и ярком языке, без использования "новых букварей" [Дилигенский, 1998].

Есть и еще один аспект проблемы понимания, когда речь идет о необходимости перевода смысла с языка одной культуры на язык другой. Но тогда, как верно отметил Евстигнеев, проблема решается не в рамках "археологии" или реконструкции смыслов, а в рамках совсем иной научной исследовательской программы (№ 1, с. 38, 39). В нашем же случае, во избежание опасности оказаться в плену ложных форм, восхождение к смыслу нуждается в строгой программе, которая воплощена "в высокоформализованном и не привязанном ни к одной культурной традиции языке науки, прежде всего стандартной экономической теории, коль скоро мы ведем речь об экономике переходного типа" (№ 1, с. 39).

В целом же, подводя итог сказанному, можно утверждать, что проведенное обсуждение, несмотря на всю спорность заявленных участниками "круглого стола" позиций, дало возможность глубже понять особенности отечественной социокультурной модели и ее возможности по восприятию и адаптации рыночных и демократических принципов. Причем новые возможности открывает нам сама реальная действительность (равно как и ставит своего рода социокультурные ловушки для не соответствующих нашим реалиям институтов), и вряд ли целесообразно заниматься их поисками в глубине веков².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. I. Новосибирск, 1947.
Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
Гельвановский М., Крюкова А. Рынок: формула счастья или трудный путь к согласию? // Общественные науки и современность. 1992. № 2.
Дилигенский Г. Российский горожанин конца девятых. М., 1998.
Дилигенский Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.
Дюма А. Луиза Сан-Феличе // *Дюма А.* Собрание сочинений. В 35 т. М., 1995. Т. 22.
Майминас Е.З. Соотношения власти, общества и личности // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.
Матвеева С. Консервативный либерализм в современной России // ОНС. 1993. № 2.
Найшуль В. Либерализм и экономические реформы // МЭ и МО. 1992. № 8.
Капелюшников Р. "Где начало того конца?" (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2000. № 1.

© Н. Плискевич, 2001

² Лингвистические итоги дискуссии будут подведены в следующем номере доктором филологических наук П. Ивановым.